

Д.А. Мустафина,

*доцент кафедры истории татарского народа
Казанского (Приволжского) федерального университета*

О книге «Писцовая книга татарским поместным землям Алатырского уезда 1624–1626 годов / Публикация текста. – М. – Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2012. – 203 с.».

В последние десятилетия заметно возрос интерес к истории татарского народа, и пришло осознание узости источниковой базы ее разработки. Вследствие этого отечественными учеными стали прилагаться усилия по поиску, учету и введению в исследовательский оборот новых неизвестных или слабоизвестных широким научным кругам документальных материалов. Это, безусловно, не может не радовать, ибо на современном этапе развития исторической науки усилия именно такого характера и направленности представляются действительно закономерными и крайне необходимыми.

Существенную лепту в это многотрудное дело вносит Издательский Дом «Медина», предоставляя возможность тиражирования подготовленных к печати исследовательских работ и текстов рукописей, извлеченных из древлехранилищ. В истекшем 2012 г. он выпустил в свет часть землеустроительных материалов по Алатырскому уезду 1624–1626 гг. отдельной книгой под названием «Писцовая книга татарским поместным землям Алатырского уезда 1624–1626 годов» (М. – Нижний Новгород, 2012; 202 с.). Подготовлены они были к печати двумя составителями – кандидатом исторических наук В.Д. Кочетковым и аспирантом Института истории АН РТ М.М. Акчуриним. Научную редакцию рукописи

произвел доктор исторических наук Д.М. Исхаков.

Нет необходимости объяснять и доказывать научную ценность опубликованных писцовых материалов, несущих информацию о численности, землеустройстве, пространственной организации поместных владений в одной из административно-территориальных единиц Российского государства – Алатырском уезде, где сложилась существенная концентрация земель служилых татар. Хорошо известно, что информация о той или иной этносоциальной группе населения безлика и не имеет «корневой системы» без сведений о численности и географии его расселения.

В трудах ряда отечественных историков и источниковедов давно уже раскрыты информационные возможности этих многоплановых и содержательных источников, отражающих социально-политическое и хозяйственно-экономическое развитие территории описания, различных страт населения, помогающих также решать вопросы исторической географии, исторической демографии, позволяющих проводить анализ семантических процессов в лексике и фразеологии русского языка в XVI–XVII вв. и т.д. Одним словом, важность и востребованность подобных публикаций общепризнанны и бесспорны.

Жаль только, что перепись других категорий (частной собственности

русских помещиков, церковно-монастырских и дворцовых владений) земель уезда осталась за рамками внимания публикаторов. Согласно уцелевшим наказам, сохранившимся с 1622 г., в ходе валового описания, проведенного в 1620-е гг., писцам и дозорщикам следовало решить вопросы перераспределения и межевания угодий и пашенных земель между помещиками и деревнями, проверить владельческие права и правомерность наследования земель, осуществить сошное письмо и обложение оброчных угодий. Введение в научный оборот регистрации лишь одной категории земель – служилого татарского (тем более что сохранились описания и других категорий земель) обедняет представление о формах землевладения в конкретном уезде, о доле служилого землевладения в целом, и татарского в частности, в общем объеме земель, о возможных социальных противоречиях, наиболее зримо проявлявшихся именно в сфере владения земельной собственностью. Остается надеяться, что в ближайшем будущем этот пробел будет восполнен, все уцелевшие материалы валовой акции в этом уезде станут достоянием широких кругов научной общественности и появится возможность сравнительного их изучения.

Подготовка к публикации средневековых текстов – задача непростая, требующая времени, скрупулезности, хорошего знания исторического контекста и т.д. С момента появления первых публикаций документального материала отечественная археография накопила значительный опыт, позволивший выработать некое общее представление о принципах передачи текстов разных столетий и составления соответствующего научно-справочного аппарата изданий. Пришло понимание необходимости включения в исследовательский обо-

рот источников лишь после их основательного изучения, результаты которого излагались в специальной вступительной статье (или статьях, если археографическая характеристика приводилась обособленно). Естественно, некоторые представления о принципах составления изданий источниковых материалов продолжают меняться и некоторые подходы становятся предметом дискуссий. Однако неизменным требованием к подготовке публикаций средневековых текстов остается квалифицированная камеральная научно-археографическая обработка текста рукописи памятника, отражение через знаки препинания осмысления его содержания, облегчение читателю понимания того, о чем идет в нем речь, помощь в формировании адекватного представления о фактах и явлениях, зафиксированных или отраженных в средневековом источнике. Особую роль приобретает в этих условиях и источниковедческий анализ публикуемой рукописи.

Конечно, каждый публикатор проходит через определенные ступени роста своего профессионального (научного) мастерства. Кто-то совершает этот путь через череду своих собственных упущений и ляпов, кто-то «вбирает» чужой опыт, но как бы то ни было все неравнодушны к отзывам о выполненном ими труде. Именно поэтому, не претендуя на изречение истины в последней инстанции, ибо знаю, насколько трудоемка подготовка к публикации средневековых источников и избежать «ляпов» практически не удастся, решила поделиться своим впечатлением о публикации писцовых материалов Алатырского уезда 20-х гг. XVII в.

После ознакомления с рассматриваемой книгой у меня возникло ощущение, что издание готовилось в спешке, что составители не «почувствовали» источник, не «услышали»

его дыхание, ритм языка, им не удалось «погрузиться» в источник настоящего и осмыслить его текст, понять его. Такой грустный вывод напрашивается после прочтения как введения, так и публикации самого текста писцово-книжной книги. Особой темой разговора является включенное в издание Приложение.

Публикации текста предшествует десятистраничное введение, написанное составителями в соавторстве (см. с. 8–17). Аттестовать и определить его характер довольно сложно, ибо эти штудии не могут быть квалифицированы ни как археографическое, ни как источниковедческое предисловие. Оно состоит из «рваных» абзацев, «живущих» самостоятельной жизнью. В нем фигурирует материал о городе Алатыре, засечной черте, упоминание о хозяйственном освоении междуречья Пьяны, Мени, Алатыря, Суры, о татарских деревнях Алатырского уезда, в специальной таблице приводится численность служилых татар в различных уездах – Темниковском, Кадомском, Алатырском, Арзамасском – и по засечным чертам Саранской и Симбирской. Затем читателю сообщается о социальной неоднородности служилых татар Алатырского уезда, и приводятся соответствующие примеры. Далее сообщается, что писцы посылались в Алатырский уезд еще во второй половине XVI в., что С.Веселовский обратил внимание на упоминание описания уезда в опубликованных актах Федотова-Чеховского, что спустя почти столетие А.В.Антонов и А.В.Маштафаров опубликовали оброчную грамоту алатырских и арзамасских писцов Н.Г.Яхонтова и подьячего С.Дмитриева, данную попу и дьякону Воскресенского собора на мельницу.

Все изложенное не связано между собой и читателю трудно понять, что хотят сказать соавторы, с какой

целью все это рассказывается, о каком описании идет речь и т.д. Следующим блоком излагаемого они подводят к возведению недоумения в квадрат. Они пишут: «Мы имеем лишь отрывочные сведения биографического характера первого писца» (с.12), приводят данные о служебной карьере Н.Г.Яхонтова, Г.М.Онучина и делают заключение, что «этими не дошедшими до нас «алаторскими писцовыми книгами» пользовались еще в годы Смуты». И, отдав дань неразберихе, царившей в землеустройстве в годы Смуты, сообщают о направлении в конце 1612 г. в Алатырь воевод, дьяка, мурзы и еще одного человека (Д.И.Гневаша Норова), которым надлежало «навести порядок в земельных пожалованиях», отметив, что они с этим справились (с.13).

Наконец, на 14-й с. читатель начинает понимать, что соавторы введения пытаются дать представление о землеустроительных акциях, состоявшихся в Алатырском уезде до описания 7132–7134, т. е. 1624–1626 гг., Д. Пушечникова и А. Костяева. Причины проведения последнего описания составители объяснили тем, что война с Польшей требовала много денег и ратных людей, и это вело к «увеличению обложения имущества, усиленной раздаче поместий и стремлению правительства все знать и описать»... Комментарий, что называется, излишни.

Вслед за этим непонятно, с какой целью они рассказали о служебной карьере писцов, уполномоченных осуществить перепись владений, и сообщили о том, что этими агентами был выполнен многолетний труд. Правда, потом оказалось, что работали они три года и оформили результаты своей деятельности в четырех самостоятельных книгах. В первую свели описание частных владений русских помещиков и вотчинников,

во вторую – перепись владений служилых татар, в третьей зафиксировали мордовские и буртасские земли, в четвертой – бортные ужожаи мордвы и буртас. Затем, решительно не оставив сомнений в том, что публикуемая книга является одной из четырех, составленных Д.Пушечниковым и А.Костяевым, составители рассказали о судьбе публикуемой рукописи, о ее характере (копия), обрисовали переплет, отметили деление текста на пронумерованные «статьи» (все это заняло чуть более десяти строк) и изложили принципы подготовки текста памятника к публикации.

В заключение обзора введения должна заметить, что оно – никакое, аморфное, в нем не чувствуется даже интереса, вызываемого содержанием книги, и тем более не приводится полновесная палеографическая, археографическая, кодикологическая, источниковедческая характеристики публикуемого памятника. А ведь основной задачей составителей вводимого в широкий научный оборот рукописного памятника является осуществление его многопланового детального источниковедческого исследования. Во всяком случае, проведя палеографический анализ, они должны были ответить на главный вопрос, является ли публикуемый памятник источником и можно ли ему доверять.

Повторюсь, из собственного опыта знаю, что, к сожалению, не всегда удается избежать и опечаток, и даже досадных «ляпов» в тексте, излагая проведенное исследование или передавая текст рукописного памятника прошлого. И к этому ученое сообщество относится с пониманием. И оно, конечно, поймет, что при передаче порядковых номеров лет (см. с.8) допущена опечатка, что поход состоялся не в 1549–1450, а в 1549/1550 г., что указание об «обозначении границ через пагинацию» означает выделение

границ листов посредством каких-то символов (см. с.17). Поймет и тогда, когда после слов «да два двора крестьянских» последует текст: «людских четыре человека» и слово «людских» прочтает как «людей в них». Однако, прочитав про «детей служилых людей по отечеству», о «датах по мировой эре» оно будет вправе заключить о некомпетентности написавшего (см. с. 9, 17). Ибо нет такой категории, как «дети служилых людей по отечеству», а есть социальная категория служилых – «дети боярские». Что касается «мировых эр», то, по-видимому, подразумевалась византийская эра «от сотворения мира». Ведь, если следовать заданной авторами логике, то придется вспомнить, что таких эр несколько: антиохийская, грузинская, византийская, александрийская, иудейская... Представляется, что в трудах, претендующих на научный характер, следует придерживаться общепринятой научной терминологии, в том числе и хронологической.

К сожалению, у людей, неискушенных в тонкостях научно-археографической обработки средневековых текстов, отсутствует понимание характера и трудоемкости камеральной работы, необходимости кропотливого лексико-лингвистического анализа текста. Для осмысления русского средневекового текста и адекватного разрешения ситуаций, вроде «казнить нельзя помиловать» требуется неоднократное прочтение рукописи и мысленное «прокручивание» всех возможных и напрашивающихся при интерпретации смыслов отдельных фраз и блоков, так сказать, необходимо наличие «чувства Слова». Ведь и деление на слова и фразы находится в полном ведении составителя. При передаче текста публикатор вкладывает в него свое собственное понимание, осуществляя расстановку знаков препинания и облегчая тем самым вос-

приятие текста другими читателями и пользователями. Поэтому крайне важно придерживаться единых принципов издания, не только не отходить от них, но и в случае необходимости обосновать их правомерность. В случае с писцовыми книгами особых затруднений и сложностей вроде бы и не должно возникать, ибо исследователь имеет дело с достаточно ординарным текстом. И все же.

Основа правил публикации документов была заложена еще в конце 50-х – начале 60-х гг. прошлого столетия. С тех пор работа по уточнению, совершенствованию этих принципов не прекращалась и продолжается до сих пор. Особенно большую роль в этом сыграли научно-практические совещания и конференции, посвященные вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников. В их работе принимают участие и архивисты, и археографы, и специалисты-историки, и филологи-текстологи, и географы и др. Рекомендации, принятые на этих форумах, вырабатывались с целью максимально точной передачи смысла, заложенного составителями средневековых текстов, и в научном сообществе считаются обязательными к применению при публикации текстов уцелевших памятников.

Если же научно-археографическая обработка рукописного памятника выполнена без соблюдения единых правил, то при знакомстве с публикацией у специалистов возникают сомнения в профессионализме составителей, а «рядовые» читатели и даже историки, занимающиеся изучением Нового и Новейшего времени, с трудом поймут содержание источника. Поистине жаль, что приходится говорить об очевидных и элементарных для специалистов истинах.

Скажем, составители рассматриваемой публикации формулу, со-

держащую расчет сошного письма, представляют следующим образом: «и всего за... старые дачи и с примерною землею...[столько то] чети, земля добра сошново письма, в живущем и в пусте ... [столько то] сохи и не доидет в сошное письмо...». Речь идет о землях, переданных в условное владение при верстании (старые дачи), и о землях, владение которыми было выявлено в ходе проводимого описания или учета земель (примерные), и их обложении. Из предложенного публикаторами понимания текста следует, что существует добрая земля сошного письма, что в чем-то непонятном «в живущем и в пусте» содержатся какие-то доли сохи и т.д. Тогда как известно, что «добрая земля» – это определение качества пашни паханой. «Добрая», т.е. хорошая земля, естественно, при интенсивной эксплуатации теряет свои плодородные качества, со временем она выпаживается. Постепенно по мере ухудшения качества земля трансформируется в «среднюю», далее в «худую» и «добра (очень) худую». Описание земли и сошное письмо к этому процессу никакого отношения не имеют.

Сошное письмо – это перепись земель с целью их обложения, когда за единицу обложения принимается «большая московская соха». С сохи взимали определенный размер подати (налога) и она включала в себя (или в нее «кляли») разное количество земли в зависимости от формы землевладения и качества земли. Зарегистрировав размеры (площади) владения, писцы производили расчеты и указывали, какую долю сохи составляло конкретное владение. Поэтому при передаче текста рассматриваемой книги после приведения информации о качестве земли (земля добра, земля средняя, земля худа) следовало поставить точку и начать новое предложение со слов «сошново письма». Составители,

кажется, не очень понимают и слова «в живущем» и «в пусте»... Не «видят» в тексте смысловые блоки.

Скажем, изложение информации о владельческих правах на владение – это одна «клаузула», а перечисление поместных окладов за конкретными людьми – это уже другая. И эти клаузулы следует разделить точкой. Фрагменты, содержащие описание межевых ориентиров, в свою очередь, следовало передать, придерживаясь единых правил передачи текста. Так, в публикации в абсолютно идентичных случаях союз «а» передается то с прописной, то с заглавной, то после запятой, то предыдущий текст отделяется от него точкой, то знак препинания вообще не ставится. Такой же «разнобой» применен и в отношении передачи слов «на ней (нем) грань», различный подход применен и к передаче итоговых данных о размерах пашенных земель и различных статей владения. Например, в публикации присутствует следующее представление текста: «... на меже с Федором Порецким соха виловатая. На ней грань к полю, у колодезя...» (см. с.21). Если бы подобное «невнимание» к расстановке знаков препинания было единственным случаем, то его можно было бы принять за оплошность, но в рассматриваемом издании это чересчур частое явление. Имеет место и невнимательность к передаче географических названий (их принято писать с прописной буквы): в публикации же встречаются «березовый враг» (с.22, 24), Сустановская и сустановская дорога (с. 47), Овечей враг и Авечей враг (с.46–47) и т.д.

Первейшей задачей палеографического анализа, как известно, является безошибочное прочтение текста и по возможности восстановление утраченных частей рукописи. При чтении символов скорописи, чтобы не ошибиться и правильно прочитать

буквы, публикатор обязан учитывать контекст, особенно это значимо при чтении выносных. Если же он убежден в верном прочтении, а из контекста видно, что в тексте рукописи присутствует явная описка, то этот факт следует отражать в комментариях. При этом правильный вариант слова необходимо привести в тексте, а ошибочный вариант – в комментариях. Поскольку в анализируемой книге присутствует множество ошибочно написанных слов, но не отмечено, что они написаны так в оригинале, постольку последующие исследователи будут вынуждены обращаться к архивным оригиналам.

Исходя из контекста и знания структуры (формуляра) текста, т.е. принятой последовательности изложения, можно также реконструировать утраченные элементы слов, фраз и абзацев. Второй случай утраты текста на л. 1 (первая утрата в начале текста восстановлена публикаторами), переданный отточием в квадратных скобках, легко восстанавливается по контексту, нужно лишь обратить внимание на форму описания. Тем более что структура писцовых книг устойчива и ординарна. Писцы начинали описание совокупности владений в деревне с переписи поместий верстанных (т.е. получивших юридические права на владение) служилых, затем регистрировали поместья служивших с отцовских поместий и владения тех, кто еще не получил подтверждения прав на владение (неверстанных служилых). Стало быть, после восстановления текст должен выглядеть так: «... да за служилы [ми, которые служат] с отцовских поместий...». На л. 1об. составители прочитали одну из фраз как «Им тое примерны земли дано верстанным татар [...] человеком». Ее следовало прочитать: «Ис тое примерные земли дано верстаным татар[ом сем]и человеком», последу-

ющий частично утраченный итоговый показатель размеров владения тоже довольно легко восстанавливается, исходя из указания, содержащегося в самом тексте о выделении каждому из семи верстанных служилых «по семи чети с третником» – это пятьдесят одна четверть с третью. В случаях, когда утраченный текст восстановить не удастся, публикатор должен отметить, сколько букв примерно утрачено. Это примечание может помочь восстановить лакуну при более внимательном анализе источника. К примеру, на л. 1 записаны размеры пашни паханой (100 с чем-то), перелога (сто с чем-то), «дикого поля» (250 чети) и подведен общий итог (530 чети). Нетрудно подсчитать, что на долю пашни паханой и перелога, составлявших более 100 четвертей каждый, остается 280 четвертей. Получается, что между пашней и перелогом необходимо «распределить» 80 четвертей. Если бы мы знали, сколько букв утрачено, то могли бы попытаться это сделать.

Есть нарекания и к составленному публикаторами Словарю устаревших слов, выражений и терминов и к указателям. Это неточность и неполнота объяснений содержания таких слов и понятий, как «абыз», «боббль», «бобровый гон», «десятина», «жеребей», «копна», «поместье», «примерная земля», «рубль», «соха». Не совсем понятна смысловая нагрузка толкования в качестве самостоятельных понятий составных компонентов сохи, «полчети», «полтрети», «полполчети», «полполтрети», «полполполтрети», «полполполчети», а если следовать логике составителей, то почему остались за рамками слова «третник», «треть», «полутретник»? По непонятным причинам публикаторы сочли возможным отказаться от составления географического указателя, а привели список населенных пунктов, фигурирующих в материалах описания, хотя

во введении заявили о сопровождении публикации научно-справочным аппаратом. Немного странно, согласитесь, уважаемые читатели, после этого призывать к соблюдению общепринятых правил и требований научной публикации текстов рукописных памятников.

Наконец, несколько слов о Приложении. В нем приведены: 1) смотренный список служилых татар Алатырского уезда 1643 г. и 2) биографии алатырских воевод.

Чем было вызвано решение привести упомянутые материалы в составе издания, объявленного как «писцовая книга», вопрос неоднозначного разрешения. Во введении обоснования необходимости их включения в книгу я не обнаружила. Думается, смотренный список заслуживает специального изучения с привлечением актовых и землеустроительных материалов и самостоятельного издания (в этом случае его ни в коем случае нельзя перерабатывать, ведь писцы записывали фамилии, следуя определенной логике, из которой следуют весьма любопытные заключения; а заголовки лучше не помещать в кавычки).

Второй раздел Приложения включает биографии, а точнее информацию о семи алатырских воеводах: П.И.Бутурлине, Ф.С.Вельяминове-Воронцове, И.Л.Опухтине (Апухтине), Д.С.Погожем, И.В.Хилкове, В.П. Ахамашукове-Черкасском, П.И. Ахамашукове-Черкасском. О принципе отбора воевод в качестве объекта исследования составители умолчали. Я предприняла попытку «выстроить» упомянутых воевод по времени их пребывания в городе Алатыре и поняла, что в поле зрения В.Д. Кочеткова попали воеводы, служившие в период с 1613/14 по 1623/24 г.

Если нижняя хронологическая точка еще может быть обоснована началом правления первого Романова, то

верхняя дата рождает вопросы, в том числе о том, почему верхний временной предел не включает в себя годы работы (1624–1626) правительственных агентов, направленных в уезд с целью описания, текст которого публикуется в рассматриваемом издании? К тому же в представленном ряду «больших» воевод, служивших в Алатыре в указанный отрезок времени, отсутствуют Федор Кириллович Вельяминов, Василий Иванович Змеев, а также все «вторые» воеводы. Почему? А если учесть, что писцы, прибывавшие со специальной задачей осуществления описательно-межевых работ в уезде, не подчинялись местным воеводам, даже большим, и действовали на основании наказов, выданных Приказом Казанского дворца, и в момент выполнения сво-

их обязанностей находились на более высокой ступени служебной лестницы, чем воеводы, то необходимость привлечения биографических сведений о воеводах в данном издании становится более чем непонятной.

И еще, согласно «Дворцовым разрядам, изданным II отделением собственной Его императорского величества канцелярии» (СПб., 1850–1855) и «Книгам разрядным, по официальным оных спискам, изданным с высочайшего соизволения II отделением собственной Его императорского величества канцелярии» (СПб., 1853–1855) в 1615/16 г. в Алатыре воеводствовал Василий Иванович Полтев, а не Василий Петрович Ахамашуков-Черкасский. Было бы неплохо выяснить, кто из них все-таки был «первым» воеводой.

Аннотация

В рецензии дается научная оценка публикации текста Писцовой книги татарским поместным землям в Алатырском уезде 1624–1626 гг., отмечаются актуальность и новизна работы, а также издержки и ошибки издателей книги.

Ключевые слова: Писцовая книга 1624–1626 гг., Алатырский уезд, татарские поместные земли.

Summary

The review provides the scientific assessment of the publication of the text of the Scribal book to local Tatar lands in the Alatirsky county of 1624-1626, the relevance and novelty of the work are marked, as well as the costs and errors of book publishers.

Keywords: Scribal book of 1624-1626, Alatyrsky county, the Local Tatar lands.